

ГАСТРОЛИ

Ольга ГЕРДТ

“А Контролер все это время внимательно ее разглядывал — сначала в телескоп, потом в микроскоп и, наконец, в театральный бинокль.

Наконец, он сказал: — Ну вообще ты едешь не в ту сторону!”

Люис Кэрролл.
“Алиса в Зазеркалье”

Мистификация начинается в тот момент, когда вам рассказывают эту запредельную историю о происхождении шедевра. Ну, знаете, как это делалось у романтиков: на чердаке, в подвале, в лаборатории, в пыли и паутине нашел я книгу, старинную, загадочную, магическую. Только если у Готье или Шамиссо поводом для виртуального путешествия становилась какая-нибудь “ножка мумии” или “запах розы”, у нашего неоромантика, хореографа Филиппа Декуфле оказывается в руках некий старинный фолиант с “живыми картинками”, представляющими описание всех форм жизни — от микроскопических до космических, а также законов, обрядов и ритуалов племен древнейших и новейших...

На этот “культурный” крючок попадаешься на раз. Как и на сотни других, маскирующихся в пространстве спектакля его труппы ДСА под знаки и указатели направления, в котором следует двигаться, чтобы в конце концов заблудиться окончательно, пребывая при этом в полной уверенности, что движешься верно. Все дело в том, что, указав на вход, Декуфле как бы “забывает” обозначить выход...

“ДекОдеКС” — второе после церемонии открытия зимних Олимпийских игр в Альбервилле всенародно любимое детище Декуфле. Спектакль, напоминающий экзотическое, но хищное растение, гипнотизирующее и усыпляющее бдительность падкого на трюк простака. (Фантазии Декуфле под стать фантазия его соратников — художника по костюмам Филиппа Гийотеля и художника-

декоратора Жана Рабасса). Большой поклонник циркового манежа (в детстве Декуфле мечтал податься в клоуны), он вписывает магический круг в квадрат сцены, и в вас просыпается площадный ротофей, готовый довериться каждому, кто покажет зайца в шляпе. Но вместо зайца Декуфле выпускает трех граций в лапах, фосфоресцирующих и вибрирующих в темноте... И тут же включает свет, словно проверяя, сработала ли наживка. И чудесные галатеи появляются снова, а затем разбегаются уже совсем непозитивно — полягушачьи шлепая лапами... Вы открываете рот и забываете его закрыть, потому что трюков и фокусов становится все больше и больше. От банальных сальто и шпагатов до опасных для жизни зависаний на трапеции и парений на цирковых лонжах. Чувство опасности нарастает, как и смутное ощущение провокации: вас словно уведат от основного действия и сбивают с толку старинным способом, апробированным еще во времена знаменитого дягилевского “Парада”. Десять изумительных танцовщиков Декуфле, то зависая под потолком, то втискиваясь в предельно малюсенькие объемы, постепенно заманивают вас в мир, где все относитель-

но, все непрочно, и точка зрения зависит от произвольно выбранной точки отсчета.

Талантливый кинорежиссер (он учился на видеокурсах Мерса Кэннингема и снял несколько удачных фильмов), Декуфле ловко манипулирует приемчиками “величайшего” из всех искусств. Дробит и нарушает пропорции, вписывая различной величины рамки в пространство манежа. Гипнотические рамки, отсылающие к шарманкам бродяг, шкатулкам иллюзионистов, наконец, магическому полотну киноэкрана. Ублажая глаз симметрией и соразмерностью на “общих” планах, вдруг укрупняет изображение до солирующей клетки, разрывая оболочку, проникает в мир асимметричный, разбалансированный, дезорганизованный. “Я смотрел в телескоп, микроскоп и просто сквозь очки. Я не верил собственным глазам”.

Декуфле-хореограф подшучивает над нашими “анатомическими” установками, прикрепляя, например, металлическую пластинку к ноге одного артиста или приклеивая гигантский хобот на лоб другого, тем самым смещая центр тяжести, а с ним и “центр управления” движением. Жонглирует понятиями верха и низа, силы тяжести и невесомости, левой

стороны и правой, лица и изнанки... Он изящно расставляет жанровые приманки, но тут же словно выпускает вирус в компьютерную программу, допуская легкую ошибку, и обозначенная система мутирует на ваших глазах. Добросовестно среагировав на зеркальное симметричное пространство бродвейского мюзикла, где все формы жизни — от крабов и осьминогов до планет и галактик — повторяют и имитируют друг друга, вы вдруг оказываетесь в допотопном анатомическом театре, где собраны на потеху толпе уродцы с лишними конечностями или одноногие мутанты...

И в тот самый момент, когда зрелище технически уже невероятно усложнено, а границы между жанрами навсегда перепутаны, когда кажется, что впрямь действие развивается по спирали, когда, приближаясь к развязке, ждешь главного и самого совершенного аттракциона, вот тут-то Декуфле и спускает вас резко с небес на землю. Да так, что вы оказываетесь в ситуации кэрролловской Алисы, бежавшей со всех ног, но так и не сдвинувшейся с места. Вам демонстрируют Человека. Как финальный иллюзион. Как начало всего, но... в конце пути. Без крыльев, хвостов и пуантов. Не гомункулуса, не жителя виртуалки. Нормального. Две руки. Две ноги. И все, что в нем происходит, — самое загадочное и непостижимое шоу природы. Но в мистории Декуфле это ренессансное явление возможно только в том случае, если в процессе спектакля все ваши установки поменялись и вы успели соскучиться по этому “чуду природы”. Если дилемма — человек совершенный или человек обнаженный — для вас актуальна.

В этом смысле Декуфле вряд ли удалось “раскодировать” московскую публику. Но загипнотизировать удалось.

P.S. Гастроли организованы Росинтерфестом в содружестве с Французским культурным центром.



Фото В.ЛУПОВОГО

Сцена из спектакля